

В ЕДИНСТВЕННОМ ЧИСЛЕ

Воскресные
ВСТРЕЧИ **МК**

У нас в гостях заслуженный артист республики Николай
КАРАЧЕНЦОВ

— Он появляется в театре за час до спектакля, хотя положено за тридцать минут. И начинает... разминку, или зарядку, — назовите, как хотите. Руки вверх, вниз, прыжок, шпагат, один, другой, третий...

Однажды кто-то пошутил:

— Сынишка, наверное, спрашивает: «Где папа, где папа?» А ему отвечают: «Папа на работе». Бедный мальчик, если бы он только видел!

Он никак не среагировал тогда. Оторвать его от разминки так же сложно, как, скажем, дозвониться вечером, часов в одиннадцать. Он может просто не подходить к телефону, сидеть на кухне и читать очередной сценарий.

А утром в половине одиннадцатого будет снова в театре. И, как всегда, в форме.

— **НИКОЛАЙ**, семь лет назад, после того как фильм «Старший сын», в котором вы сыграли одну из главных ролей, получил приз на конкурсе в Карловых Варах, в интервью нашей газете вы говорили о том, что хотите всегда оставаться молодым.

— Что-то я не припомню этого, ну и что было дальше?

— А дальше хотелось бы узнать, каким вы себя ощущаете сегодня, сильно «постаревшим»?

— По-моему, не очень. Во всяком случае мне до сих пор нравится, когда меня называют просто по имени. Но, думаю, тогда, семь лет назад, я имел в виду не столько возраст, сколько молодость творчества. Что я подразумеваю под этими словами? В первую очередь постоянный эксперимент, поиск новых форм работы. Именно этими качествами отличается наш театр. Театр имени Ленинского комсомола, который необыкновенно остро, тонко чувствует сегодняшнюю молодежь, ее отношение к себе самой, к нам с вами.

Стоп. Уже в «Стариках» себя записал. Видите, как все относительно.

— **Николай**, этим летом ваш театр был на гастролях в Риге. Впечатления рижан оказались на редкость противоречивыми. К примеру, «Ригас балс» писала, что некоторые спектакли казались «слишком неопределенными, а местами слишком форсированными... слишком громко, слишком много чудес актерской техники и пиротехники и слишком мало настроения, истинного переживания».

Не кажется ли вам, что в некоторых спектаклях действительно есть что-то, как бы это точнее выразить...

—...от дешевого успеха?

— Что-то в этом роде.

— Обидно, если кто-то и в самом деле так думает, ставя слишком громкую музыку на первый план, обращая внимание лишь на игру молодой группы и на акробатические трюки актеров. Мне кажется, что это от... неожиданности, от новизны, что-ли. Театр — искусство праздничное, где действуют не просто актеры, а живые люди со своими подлинными страстями, которые любят, страдают и мучаются точно так же, как и в жизни. И выразить это состояние людей через музыку, пластику, на мой взгляд, — задача не менее сложная, чем, скажем, поставить трехактную классическую пьесу.

К тому же нередко бывает и так: чем сложнее пьеса, тем скучнее спектакль, и значит, зрителю труднее досидеть до его конца. Поэтому, еще раз повторю, необходимо искать что-то новое, и непременно в «единственном числе». Если же с этим не считаться, то лучше вообще в театр не ходить, а сидеть дома и книжки читать.

— Простите, **Николай**, но как быть с этим, как вы говорите, «единственным числом» актеру, который из вечера в вечер выходит на сцену и произносит одни и те же слова, одинаково улыбается и кланяется в одну и ту же сторону. В общем не мне вам объяснять... Можно ли в такой ситуации сохранить «единственное число»?

— Если ты — актер, то можно, если нельзя — то ты уже не актер. Ведь какими бы способностями ни обладал режиссер, какую бы сверх- и архивную пьесу он ни поставил, все равно во время спектакля режиссер умирает в актере, если, повторяю, это — настоящий актер.

— А вот еще из «Ригас балс»: «Если девять лет назад «Тиль» был ярким, эмоциональным, ликующим парадом, то сегодня только Инна Чурикова и Николай Караченцов играют, как на премьере».

— По-моему, критики иногда не знают меры: то слишком хвалят, то ругают. Что касается меня лично, то не было еще такого спектакля, после которого я был до конца доволен собой.

— **НИКОЛАЙ**, в ваших работах, прежде всего в «Тиле», «Звезде и смерти Хоакина Мурьеты», в «Жестоких играх», зрителей поражает не только ваше актерское мастерство, но и необыкновенная пластичность. Вы превосходно танцуете и поете. А между тем, насколько мне известно, кончали школу-студию МХАТ?

— Не вижу в этом ничего особенного. Любый артист должен в совершенстве владеть вышеуказанными качествами. Ермолова тоже занималась вокалом и каждый день стояла у «станка». Потому что ей это было необходимо.

— И все же создается такое впечатление, что вы занимались хореографией отменно.

— Мне было четыре года, когда моя

Г. МОСКВА

мама училась в ГИТИСе на балетмейстерском отделении. Мы жили вдвоем, и ей ничего не оставалось делать, как брать меня с собой на занятия. Я был уверен тогда, что у нее — самая лучшая в мире профессия. Я подолгу простаивал перед зеркалом и, помнится, даже протанцовывал целые сцены из спектакля. Все это продолжалось до тех пор, пока мама вовремя не спохватилась: «Куда угодно, только не в балет!»

Странно, но я это спокойно пережил. Только любовь к театру осталась. Впрочем, это было, скорее, неосознанное влечение, знаете, как это бывает, когда впервые влюбляешься, — самому себе не хватает смелости признаться. Со мной происходило что-то в этом роде. К тому же в нашем доме часто бывали люди, фотографии которых можно было увидеть на страницах журнала «Искусство кино». И у меня на все случаи жизни был заготовлен один и тот же ответ: «Зачем мне в кино, когда все мои друзья — артисты!»

Позже я попал в школу, в которой был организован клуб юных друзей театра. Наш класс был полноправным членом ЦДТ. Мы ходили с друзьями на все спектакли, а однажды решили поступить в драмкружок. Всем сказали выучить по стихотворению. Мы выучили, кажется, одно и то же и пришли поступать втроем. Двоих взяли, а третий через день сообщил нам, что поступил в точно такую же студию, но только в Доме кино. На следующий день я попал и туда тоже. Именно здесь мне подобрали программу, и я начал серьезно готовиться к поступлению. Хотел поступать именно во МХАТ. Туда и попал. Что вы на меня так смотрите? Мама, между прочим, тем летом в Москве не было.

Вообще, если честно, то эти разговоры про детей актеров я не люблю. Предположим, я — режиссер, набираю свой курс. Всего — 20 человек. Это значит: набирается маленькая труппа, которая потом будет играть спектакли. Мне для этого нужны герой, трагик, комик и так далее. Если же у меня половина «своих» окажется, то что я с ними буду делать? Но есть тут другой вопрос. Он заключается в том, что пока система отбора в творческие вузы — несовершенна.

— **Николай**, а кем бы вы хотели видеть своего сына в будущем?

— Вы, наверное, ждете от меня, что я скажу: «Кем угодно, только не актером!» Но я думаю, он вправе выбирать сам. Просто очень не хочется давить своей работой, авторитетом, разрушив то, что в нем заложено с самого начала. Если мой сын, в силу каких-либо причин, окажется перед театром только лишь потому, что ему будет некуда идти, я рукой не пошевелю. Если же он угадает себя сам, я буду счастлив.

— Скажите, а как сын относится к вашей популярности.

— Я не люблю этого слова, потому что оно не всегда отражает истинность дарования. Можно сказать по-другому: признание, любовь... Что касается сына, то я предпочитаю не разговаривать об этом, считая лучшим средством от папиной популярности.

— **МЕСЯЦ** назад начался ваш шестнадцатый по счету сезон в театре имени Ленинского комсомола. Чего вы ждете от него?

— Жду интересных и ярких будней, чего и вам желаю и вашим читателям.

Беседу вела **Е. ЛЕЦКАЯ**.